

ПРОСЕЛКИ.

Скажите, знаете-ль, честные господа,
Что значить Русскими проселками Ёзда?...
Что шатъ,—то яма, косогоръ, болото иль оврагъ...
Я твердо убѣжденъ, что со времянь Потопа
Не прикасалась къ нимъ лопата землекопа...
Дорога лѣсомъ ли? Такія кочки, пни,
Что крѣпче свой языкъ къ гортани ты прильни, —
Не то такой толчекъ подастъ тебя, что ой ли!
И свой языкъ насквозь прокусить ты. Рѣкой ли
Дорога! Мостъ на ней ужъ подлинно живой:
Такъ бревна въ запуски и пляшуть подъ тобой.
Есть перевозъ ли? Плотъ такое ужъ гнилье,
Что только бабамъ мыть на мезъ свое бѣлье...
Нѣтъ, вызвалъ бы я весь на Русскіе проселки,
Чтобъ о людскомъ житьѣ прочесть въ вашъ толки.

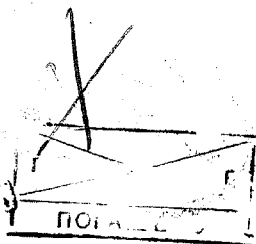
Ня. Вяземскій

МОСКВА.

Типо-Лит. Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.

1897.

ПРОСЕЛКИ.

Скажите, знаете-ль, честные господа,
Что значить Русскими проселками ъзда?...
Что шагъ,—то яма, косогоръ, болото или оврагъ...
Я твердо убѣжденъ, что со времянъ Потопа
Не прикасалась къ нимъ лопата землекопа...
Дорога лѣсомъ ли? Такія кочки, пип,
Что крѣпче свой языкъ къ гортани ты прильни,—
Не то такой толчекъ подастъ тебя, что ой ли!
И свой языкъ насквозь прокусишь ты. Рѣкой ли
Дорога? Мостъ на ней ужъ подлинно живой:
Такъ бревна въ запуски и пляшуть подъ тобой.
Есть перевозъ ли? Плоть такое ужъ гнилье,
Что только бабамъ мыть на немъ свое бѣлье...
Нѣтъ, вызвалъ бы я васъ на Русскіе проселки,
Чтобъ о людскомъ житьѣ прочистить ваши толки.

Ии. Вяземскій

МОСКВА.

Типо-Лит. Н. И. Кеманна, Мясницкая, близъ Почтамта.

1897.

Дозволено цензурою. Москва, 8 Октября 1897 года.

РОСЕЛКИ.

Въ глухую осень 1864 года выѣхалъ я изъ Клина въ Волоколамскій уѣздъ, въ село Волочаново, въ имѣніе дяди Б. С. Шереметева. Дорога была невозможная; мѣста довольно скучныя и однообразныя. Ѣхалъ я въ коляскѣ съ тетушкой Е. С. Дѣлеръ съ цѣлію навѣстить хозяевъ старой усадьбы дѣда моего Сергѣя Васильевича Шереметева. Волочаново было давно мнѣ знакомо по многимъ семейнымъ рассказамъ; когда-то имѣніе это служило убѣжищемъ для бабушки моей Варвары Петровны. Находясь въ глухомъ углу Волоколамскаго уѣзда, оно долго было заброшено, пока не досталось дѣду отъ его дяди Бориса Владиміровича Шереметева, которому подарено „на зубокъ“ крестнымъ отцомъ его Головинымъ. Вся мѣстность вокругъ Волочанова и понынѣ называется „Головинщина“. Сохранился хорошій портретъ этого Головина у дяди Бориса Сергѣевича. Волочаново выручило дѣда и бабушку въ трудное время, когда дѣла ихъ пришли въ значительное разстройство, и они вынуждены были продать Уборы и Михайловское. Одно Волочаново уцѣлѣло и доставило имъ тихій и спокойный пріютъ, не смотря на однообразіе мѣстности, въ глуши Волоколамскаго уѣзда, на границѣ губерній Тверской и Смоленской.

Двигались мы медленно, потому что дороги были очень плохи. Въ лунную ночь подѣхали мы къ обширному озеру, на берегу котораго возвышался монастырь. Бѣлыя зубчатая стѣны его и башни отражались въ водѣ. При свѣтѣ луны этотъ длинный рядъ стѣнъ, и главы церквей производили внушительное впечатлѣніе. То былъ монастырь Іосифа Волоколамскаго.

Пребываніе наше въ Волочановѣ было непродолжительно. Оно совпало съ грустнымъ для хозяевъ его событіемъ, когда они только что похоронили своего старшаго сына. Мнѣ полюбилися Волочановскій одноэтажный деревянный домъ, съ крытыми балконами, съ старою бібліотекою Василія Владиміровича Шереметева и съ мебелью начала нынѣшняго столѣтія.

Небольшая березовая роща отдѣляетъ домъ отъ церкви. Они соединены прямою дорожкой, пересѣкающей рощу. Въ церкви ничего нѣтъ древняго и любопытнаго, иконостасъ новый,—подражаніе церкви Странноприимнаго нашего Дома. Въ склепѣ могила младенца Сергія. Садъ и роща окружены каменною оградой, за которою тянутся хозяйственныя постройки, а за ними во все стороны разстилаются поля. Вдали виднѣются деревни: Малинки, Рябинки и др. Мѣсто открытое, плоская возвышенность, среди которой расположена усадьба.

Изъ Волочанова выѣхали мы черезъ большое село Середя на бывшее Муравьевское имѣніе—село Остапово. Впервые пришлось мнѣ побывать въ этомъ когда-то людномъ домѣ, въ любопытномъ средоточіи дѣятельности даровитой семьи Муравьевыхъ. Здѣсь, окруженный сыновьями, жилъ основатель Училища колонновожатыхъ Николай Николаевичъ Муравьевъ. Здѣсь, по преданію, на одномъ изъ пригорковъ на берегу рѣки Рузы зарыта въ землю „конституція“, написанная однимъ изъ Муравьевыхъ. Здѣсь, у „Андреевой башни“, когда-то мечталъ А. М. Муравьевъ о сосѣдномъ Яропольцѣ: это воспѣтый имъ „Замокъ на Ламѣ“, въ которомъ жили сестры графини Чернышovy.

Давно ушло Остапово изъ Муравьевской семьи. Отъ нихъ оно перешло къ Шиповымъ. Здѣсь на короткое время мы остановились. Уже совсѣмъ стемнѣло, и мы торопились, чтобы въ ту же ночь попасть въ Покровское. Отъ Остапова до Покровскаго верстъ 25, не болѣе, но ночь была темная, осенняя. Намъ дали въ проводники мальчика съ фонаремъ; на этомъ настоялъ Н. П. Шиповъ, и мы имъ воспользовались; но мальчикъ этотъ только мѣшалъ; свѣтъ отъ фонаря, ничего не освѣщая, лишь усиливалъ окружающій мракъ. Ямщикъ сбился съ дороги. Мы ѣхали всю ночь. Напрасно возница нашъ взывалъ къ провожатому: „Титка, а Титка! такъ ѣдемъ что ли?“ Но Титка не отвѣчалъ: онъ самъ не зналъ, куда ѣхать. Проѣзжали мы въ бродъ черезъ какіе-то ручьи, много проѣхали деревень, гдѣ наводили не всегда удачныя справки, плутали въ лѣсу... дорога невозможная: словомъ, путались всю ночь и только на разсвѣтѣ пріѣхали въ Покровское.

Путешествіе это было для меня новинкою, первымъ знакомствомъ съ деревенскими проселками. Тетушка сильно боялась лошадей и дурной дороги. Одинъ только неизбѣжный Иванъ Жарковъ сохранялъ обычное невозмутимое хладнокровіе...

Село Ярополецъ, Волоколамскаго уѣзда, старинное имѣніе Чернышовыхъ, на большой дорогѣ, недалеко отъ границы Тверской губерніи. Случилось мнѣ проѣхать его рано утромъ. Видѣлъ я прекрасный старинный домъ съ стройными садами на извилистыхъ берегахъ Ламы. Гораздо позднѣе пришлось мнѣ опять побывать въ Ярополцѣ и подробно осмотрѣть домъ въ отсутствіе хозяевъ. Въ немъ богатая библіотека, архивъ и старинные портреты; только все это хранится подъ спудомъ, подобно многимъ другимъ частнымъ собраніямъ. Мы еще, видно, не достаточно понимаемъ и цѣнимъ подобныя сокровища и не выяснили еще себѣ ихъ значенія. Казалось бы, одного имени завоевателя Берлина, Графа Захара Григорьевича Чернышова достаточно, чтобы

возбудить вниманіе къ хранящемуся въ Яропольцѣ семейному архиву!

Садъ французскій, стриженныя аллеи, а за рѣкою роша; красивая терраса со статуями спускается уступами къ Ламѣ. Тутъ же почти рядомъ другая усадьба—въ Яропольцѣ же: это имѣніе Гончаровыхъ. Я заходилъ и въ этотъ домъ, или вѣрнѣе дворецъ, со всевозможными затѣями. Онъ и прежде казался мнѣ запущеннымъ, теперь же при осмотрѣ я видѣлъ, насколько все заглухло. Деревья растутъ на крышѣ, разбитыя окна, поломанныя двери—всюду слѣды разрушенія. А видъ съ балкона на Ламу, которая течетъ передъ домомъ, и на заливные луга привольный. Живо представляешь себѣ, какъ кипѣла здѣсь жизнь... Впрочемъ, теперь здѣсь вновь водворяется порядокъ.

Изъ Ярополець поворотъ дороги въ Тверскую губернію и прямой путь въ извѣстное имѣніе кн. Мещерскихъ—с. Лотышино.

Здѣсь же въ Яропольцѣ могила гетмана Дорошенко. Думалъ ли мятежный гетманъ войска Запорожскаго, что его костямъ суждено будетъ лежать въ глуши Волоколамскаго уѣзда, на берегу Ламы?

Одновременно съ поѣздкою по Волоколамскому уѣзду случилось мнѣ побывать въ имѣніи Петра Петровича Алмазова подъ Клиномъ. Отсюда мы, по желанію тетушки, отправились въ сосѣднюю небольшую усадьбу „Алмазовку“, къ брату моеи бабушки Варвары Петровны Шереметевой. Меня туда не особенно тянуло, но тетушка непремѣнно желала навѣстить своего дядю. Жилъ онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Клина, въ небольшомъ запущенномъ домѣ, съ такимъ же садомъ. Въѣзжать къ нему нужно было черезъ полуразвалившіяся ворота. Здѣсь доживалъ онъ свой бурный и тревожный вѣкъ въ уцѣлѣвшемъ отъ порядочнаго прожитаго состоянія небольшомъ имѣніи, въ полномъ одиночествѣ, 80-ти лѣтнимъ старикомъ. Преклонный возрастъ не помѣшалъ

однако ему вскорѣ послѣ нашего посѣщенія вступить во второй бракъ.

Въ домѣ царствовалъ полный беспорядокъ. Принялъ насъ Петръ Петровичъ какъ-то странно; довольно сухо обошелся съ тетушкой; со мною же былъ любезенъ и долго объяснялъ мнѣ, что онъ мнѣ не дядя, а „дѣдъ“; обѣщалъ даже подарить мнѣ книгу писемъ фельдмаршала Бориса Петровича, и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени прислалъ ее съ подписью: „Отъ дѣда Алмазова“. Онъ всегда держался въ сторонѣ отъ семьи и не былъ особенно друженъ съ моею бабушкой. Родной дядя поэта Б. Н. Алмазова, самодуръ и человекъ безпокойный, объ немъ немало сохранилось рассказовъ о его чудачествахъ, о странныхъ выходкахъ. Его вообще избѣгали. Онъ прикомачивалъ къ воротамъ своимъ иконы, и потомъ заявлялъ, что эти иконы—явленные, и требовалъ, чтобы служили молебны. Любитель цыганъ, въ то же время кутила и игрокъ, онъ служилъ въ военной службѣ и у него не мало было неприятныхъ столкновений. Въ молодости онъ былъ очень красивъ; правильныя черты сохранились и въ старости. Когда-то ухаживалъ онъ и сопровождалъ въ прогулкахъ верхомъ дѣвушку, тогда извѣстную красавицу... Кто бы могъ подумать, что эта дѣвушка будетъ памятная всѣмъ, строгая и внушительная мать игуменія Марія Давыдова, недавно скончавшаяся въ Костромѣ.

Теперь припоминая давно прошедшее время, самому кажется страннымъ, какъ я попалъ въ эту Алмазовку, которая меня вовсе не привлекала и о которой никогда не думалъ.

* *
*

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ села Остафьева, весь въ зелени березовой рощи, стоитъ небольшой деревянный домъ съ балконами и мезониномъ, съ флигелями и грунтовыми сараями. Эта старая усадьба Окуловыхъ. Впослѣдствіи она была продана кн. Маріи Аркадѣевнѣ

Вяземской и теперь принадлежит А. П. Спягиной. Когда-то въ первой половинѣ этого столѣтія здѣсь дружно и весело жили сестры Окуловы. Онѣ много принимали и находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями и гостями Остафьевскими. Не разъ упоминаетъ объ нихъ кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій въ своихъ письмахъ и разсказахъ.

Я уже засталъ здѣсь только послѣднюю изъ сестеръ, Варвару Алексѣевну Окулову, которая до конца дней своихъ осталась вѣрна Никульскому. Она замужъ не вышла и доживала здѣсь свой вѣкъ въ тиши уединенія, окруженная воспоминаніями прошлаго, наслаждаясь своимъ цвѣтникомъ и занимаясь разведеніемъ розъ. Домъ ея былъ вполне старосвѣтскій; теперь такіе дома исчезаютъ.

Въ средней комнатѣ висѣли старыя семейныя портреты. Сидѣла Варвара Алексѣевна большею частію на своемъ любимомъ балконѣ, въ покойномъ креслѣ, любуясь знакомымъ видомъ сквозь просѣку сада на луга и берега Десны. Небольшая рѣчка, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, когда-то запруженная, стекаетъ вдоль сада въ Десну, и тутъ же за этими полузасохшими прудами тянется деревня Никульская.

Всякій разъ, что мы бывали въ Остафьевѣ, обязательно было посѣщеніе Никульскаго. Здѣсь жила Варвара Алексѣевна зиму и лѣто въ полномъ уединеніи, рѣдко къ ней посѣщаемая. Иногда заѣзжалъ къ ней мужъ ея племянницы Дьяковой, С. М. Сухотинъ, и болѣе почти никто. Покойный Н. П. Шиповъ предлагалъ ей не разъ переѣхать въ роскошное Осташово, но она осталась въ дорогомъ ей Никульскомъ, предпочитая свою скромную обстановку затѣямъ и раздолью Осташова.

Отъ любимаго балкона двѣ дорожки расходились полукругомъ, образуя округленную поляну, снаружи окаймленную березовою рощею. Обѣ дорожки сходились на скатѣ у самой просѣки, гдѣ стояла скамейка. Отсюда можно было любоваться видомъ дома и берегами Десны,

глядѣть на проселокъ, по которому шли пѣшеходы, и гдѣ изрѣдка раздавался отдаленный колокольчикъ. Это мѣсто мнѣ всегда особенно нравилось. Здѣсь такъ было тихо, такъ казалось отдалено было отъ всего суетнаго и городского.

Варвара Алексѣевна почти до конца дней своихъ купалась въ Деснѣ. Узналъ я объ этомъ случайно; кто-то изъ крестьянъ сказалъ мнѣ, показывая на берегъ Десны: „Здѣсь барахтается Никульская барыня“. У нея были прекрасныя деревья въ грунтовыхъ сараяхъ, и она любила похвастаться своими вишнями и розанами. Разговоръ ея былъ пріятенъ: она оживлялась при разсказахъ о прошломъ, но вообще была сдержанна, всегда въ полной неприкосновенности охраняя свою независимость.

Отношенія ея къ Остафьевскимъ сосѣдямъ были своеобразны. Она всегда охотно ихъ принимала, и часто разговоръ ея возвращался къ кн. Петру Андреевичу, который когда-то былъ ея поклонникомъ. Она слѣдила за нимъ въ послѣдніе года его жизни въ Гомбургѣ и радовалась, когда ей сообщали о немъ извѣстія. Къ кн. Вѣрѣ Федоровнѣ она была совершенно равнодушна. Въ молодости кн. Петра Андреевича, говорятъ, шутили надъ нимъ, когда онъ бывалъ не въ духѣ, и намекали на отсуствіе Варвары Алексѣевны: „C'est parce qu'il n'a pas sa Barbe“!

Иногда заходила она пѣшкомъ въ Остафьево попить чаю и поговорить съ Вяземскими. Я замѣтилъ, что эти посѣщенія были особенно пріятны кн. Павлу Петровичу, и онъ относился къ ней всегда почтительно и сочувственно. Пѣшкомъ бывало возвращалась она всегда домой по березовой аллеѣ, соединявшей ея усадьбу съ Остафьевымъ.

Въ семьѣ своей она также держалась вполне независимо, ни къ кому особенно не примыкая.

У нея остались бумаги и любопытная переписка. Въ церковь ѣздила всегда она въ Остафьево, гдѣ становилась на обычномъ мѣстѣ. Она была ревностна къ церкви,

но не сходилась съ духовенствомъ, т. е. не могла привыкнуть къ новому направленію среди церковно служителей, иногда черезъ чуръ воинственному.

Придворныя вліянія, отразившіяся на сестрѣ ея Аннѣ Алексѣевнѣ, ея не коснулись. Она радовалась положенію сестры, воспитательницы будущей королевы Виртембергской Ольги Николаевны, но сама наслаждалась своею свободою. Знакомство и сближеніе ея съ поэтами и съ друзьями Остафьевскаго кружка дало мыслямъ ея иное направленіе, и вотъ почему мы видимъ, что и въ старости, полузабытая и въ полномъ уединеніи, она не потерялась. Такъ много было въ ней внутренней, духовной жизни; душа ея не старилась, сохраняя живость и впечатлительность молодыхъ лѣтъ.

Было что и вспомнить сестрамъ Окуловымъ въ ихъ молодое время! Одна изъ нихъ, Елизавета Алексѣевна Дьякова, была очень музыкальна и отлично пѣла. Добрѣйшее было это существо, вполне достойная женщина; она скончалась не такъ давно въ большихъ заботахъ семейныхъ и хозяйственныхъ. Двойной этотъ крестъ она несла съ высокимъ смиреніемъ и терпѣливо, какъ истинная христіанка; но и при этомъ врожденная веселость нрава и великое добродушіе ей никогда не измѣняли. Помню я ее совѣтъ уже старушкой; помню, какъ она, желая развеселить молодежь, сѣла за фортепiano и стала пѣть. У нея когда-то былъ прекрасный голосъ, но и тогда можно было съ удовольствіемъ ее слушать.

Другая сестра ея, Дарья Алексѣевна вышла замужъ за Н. П. Шипова. Двое дѣтей ихъ похоронены близъ Остафьевской церкви. Надпись на ихъ могилѣ составлена пріятелемъ ихъ С. П. Шевыревымъ.

Семьѣ Окуловыхъ принадлежало сосѣднее село Рязаново, которое давно уже продано. Мѣсто это выдающееся по красотѣ положенія на крутомъ берегу Десны. У Окуловыхъ былъ братъ Сергій Алексѣевичъ, котораго въ 1860 году я засталъ на свадьбѣ дяди Бориса Сергѣевича, почтенный старичекъ съ предлинною губой.

Другой братъ ихъ умеръ въ молодости, чуть ли не въ кругосвѣтномъ плаваніи. Семья его долго оплакивала. Въ березовой рошѣ с. Никульскаго донинѣ уединенно стоитъ забытый памятникъ, это каменная плита, на которой въ память почившаго была высѣчена надпись. Теперь эта надпись почти стерлась.

* *
*

Окрестности Саввина монастыря очень живописны. Сколько разъ приходилось въ разныя времена года проѣзжать ближайшею дорогою отъ монастыря къ Онофріевскому озеру и отсюда черезъ с. Никольское въ Покровское. Я еще засталъ здѣсь лѣса, которые тянулись почти вплотъ до озера. Только на полупути, въ деревнѣ Завязовой, лѣса эти расходятся, издали окружая эту деревню, а также — Иглево и Дядинкову. Мѣсто это сбивчиво... Теперь эти лѣса значительно по-вырублены.

Село Онофріево съ церковью на берегу озера (бывшій Онофріевскій монастырь) красиво расположено у самаго берега. Донинѣ еще часть береговъ Тростенскаго озера окружена лѣсами Гагаринскаго имѣнія, с. Никольскаго. Не доѣзжая озера со стороны Саввина монастыря, вправо на возвышеніи виднѣтся усадьба Вырубовыхъ, с. Целево. Въ селѣ Юркинѣ старинная церковь. Дорога тянется вдоль озера до церкви с. Никольскаго... Мѣсто это такъ высоко, что далеко видно со всѣхъ сторонъ надъ озеромъ. Прекрасное имѣніе Гагариныхъ, Никольское, процвѣтаетъ и украшается, благодаря постоянному въ немъ пребыванію хозяевъ. Кн. Викторъ Николаевичъ Гагаринъ много сдѣлалъ для украшенія усадьбы и для удобства жизни. Здѣсь же при церкви въ склепѣ похоронена его сестра, бывшая замужемъ за Гр. М. Н. Муравьевымъ.

Прекрасный, каменный домъ Никольскаго бѣлѣтся издалека. Онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ немъ много художественныхъ предметовъ, картинъ

и вещей—рѣдкихъ и цѣнныхъ. Внутренняя отдѣлка съ большимъ вкусомъ и очень проста. Имѣніе это перешло къ Гагаринымъ отъ Бобринскихъ. Дочь Графа Алексѣя Григорьевича была замужемъ за княземъ С. С. Гагаринымъ. Тростенское озеро въ прошломъ столѣтіи было значительно больше; теперь оно постепенно мелѣетъ и высыхаетъ. Большая тѣнистая аллея ведетъ отъ Никольскаго дома до хутора Бороденки. Здѣсь скотный дворъ и хозяйственныя постройки. По сторонамъ аллеи тянутся поля; кое-гдѣ группами растутъ сосны. Хорошія мѣста—и сколько съ ними связано воспоминаній молодости!..

Въ Бороденкахъ за прудомъ роца сосновая. Вы поднимаетесь въ эту роцу и изъ нея попадаете въ лощину, по которой дорога тянется далѣе залпными лугами р. Озерны. Справа возвышенный берегъ, покрытый сосновымъ и еловымъ лѣсомъ, еще принадлежащимъ Никольскому. Слѣва, за рѣкой Озерной, поля, за которыми тянется возвышенность съ роцею,—и среди этой роцы на скатѣ поляны, окруженной деревьями, виднѣется каменный красный домъ съ зеленой крышей, а за нимъ церковь. Это—Покровское.

Вы переѣзжаете Озерну у мельницы—большою частію въ бродъ. Здѣсь начинаются земли Покровскаго.

Помню осеннюю поѣздку всею семьей изъ Покровскаго въ Михайловское. По пути свернули мы въ Кораллово, близъ Звенигорода, имѣніе А. А. Васильчикова.

Была глухая ночь; погода свѣжая и дождливая, какъ и слѣдуетъ въ осеннее время, дороги до нельзя плохи; мы порядочно передрогли. Ночь застигла насъ еще въ Завязовѣ. Кое-какъ дотащились мы до Кораллова и въ непозволительно позднее время постучались въ двери.

Вся усадьба была, конечно, объята глубокимъ сномъ; но мало по малу звуки бубенцовъ и лаі собакъ пробудили жителей Кораллова. Въ домѣ показался огонь, растворилась дверь, и самъ хозяинъ А. А. Васильчиковъ встрѣтилъ насъ со свѣчей въ рукахъ.

Намъ было очень совѣстно ввалиться въ такую пору и притомъ—съ цѣлымъ обозомъ, съ дѣтьми и съ прислугою... Теплый уголокъ скоро пригрѣлъ всѣхъ насъ; мы заснули, какъ убитые, а на другой день направились въ Михайловское...

Не разъ съ тѣхъ поръ бывали мы въ Коралловѣ. Однажды засталъ я А. А. Васильчикова совершенно одного. Онъ прочелъ мнѣ нѣсколько главъ своего труда о Разумовскихъ; сидѣли въ библиотекѣ около кабинета. Коралловскій домъ интересенъ. Все въ немъ устроено хозяиномъ очень оригинально и со вкусомъ. Рабочій кабинетъ уютенъ и простъ. На лѣстницѣ и въ гостинныхъ много портретовъ масляной краской и миниатюръ, тутъ же находятся различныя коллекціи. Особенно хороша домовая церковь съ прекрасными иконами и съ иконостасомъ кипарисоваго дерева. Тутъ много помогъ А. А. Васильчикову Саввинскій настоятель о. Галактіонъ: „father Galaschion“, какъ называлъ онъ его въ шутку. Онъ вообще любилъ побалагурить и Звенигородъ величалъ: „Sonneville“ съ прибавкою почему то „Porqueilleuse“, должно быть въ отличіе отъ Рузы, которую прозывалъ „Rouza la gaillarde“. Устройство Кораллова воспѣто въ стихахъ Графа А. В. Бобринскаго, подражавшаго стихамъ Пушкина—Кн. Юсупову:

„Коралловскихъ земель любезный обладатель,
Къ тебѣ мы свой привѣтъ желали бъ принести,—
Въ Кораллово, гдѣ ты, и зодчій, и ваятель,
Пріютъ искусствамъ хочешь возвести;
Гдѣ мраморъ Пароса, маіолика Урбино,
Китайца странный вкусъ и бронза Сонсовино,
Ліонская парча и нашъ родной кумачъ
Труднѣйшую рѣшали изъ задачъ:
Смышленной прихоти твоей повиноваться
И предъ тобой въ убранствѣ состязаться“.

Гораздо позднѣе пришлось мнѣ быть еще въ Коралловѣ во время маневровъ. Предъ балкономъ дома играла военная музыка. Гостей было много. Приѣхали Олсуфьевы

изъ сосѣдняго Ершова. Было очень оживленно. Въ послѣдній разъ былъ я въ Коралловѣ уже во время болѣзни А. А. Онъ былъ довольно слабъ, однако жъ самъ предложилъ показать намъ садъ. Съ видимымъ удовольствіемъ водилъ онъ насъ по дорожкамъ и хорошимъ мѣстамъ. Мало того: онъ предложилъ дойти пѣшкомъ до Саввина монастыря. Прогулка была прекрасная. Чѣмъ ближе къ Саввину, тѣмъ мѣста живописнѣе. Долго шли мы косогоромъ вдоль овраговъ и не выходили изъ рощи; насажденія по преимуществу смѣшанныя, справа въ лощинѣ красивая деревня: „Voici les ovragues“, повторялъ онъ съ необычно шутливостію.

Грустно, когда уходятъ люди, оставляющіе добрый и прочный слѣдъ своей дѣятельности.. Съ какою ревностію охранялъ онъ неприкосновенность нашихъ древнихъ памятниковъ; какъ усердно, даже иногда запальчиво, ратовалъ онъ за сохраненіе ихъ! Среди почти повальнаго современнаго равнодушія отрадно было встрѣтить человѣка, останавливающагося на вопросахъ, не существующихъ для большинства. При всей своей свѣтскости и не смотря на среду придворную, въ немъ не угасла до конца искра сочувствія и привязанности къ старинѣ русской и въ частности—къ родной ему Москвѣ. Онъ былъ изъ числа неслишкомъ многочисленнаго кружка свѣтскихъ людей, понимающихъ недостаточность господствующей подражательности всему чуждому. Онъ не могъ не сознавать, что общество, отрекшееся отъ коренныхъ своихъ началъ, подлежитъ неизбѣжному провалу.

* *
*

Хороша дорога изъ Звенигорода въ Уборы почти все время крутымъ берегомъ Москвы рѣки. Красивыя и когда-то оживленныя усадьбы виднѣются вдоль берега. Вслѣдъ за Медвѣдниковымъ—с. Иславское, нѣкогда Архаровское, еще далѣе—с. Успенское, бывшее Бибиковыхъ. Это старыи путь богомолья въ Саввинъ. Когда-то

здѣсь были сплошные сосновые лѣса. Это еще замѣтно по оставшимся пнямъ. Самыя названія деревень говорятъ о лѣсѣ: дер. Борки, с. Уборы (у бора). Подѣзжая къ Уборамъ, мѣстность становится еще красивѣе; еще круче берега Москвы рѣки; молодой сосновый лѣсъ начинаетъ уже подниматься, онъ тянется вплоть до старой плотины и липовой роши, что у самой церкви с. Уборъ.

Можно съ нѣкоторымъ воображеніемъ представить себѣ картину прошлаго, когда среди этихъ сосновыхъ лѣсовъ красовалась съ своими прудами и террасами Уборская старая усадьба. Широко разстилается привольный видъ за Москву рѣку—и все луга. Далеко со всѣхъ сторонъ виднѣется красное зданіе Уборской церкви Спаса Нерукотвореннаго съ открытыми ходами вокругъ, съ причудливою лѣстницею на колокольню и съ драгоценною семейною иконою Нерукотвореннаго Спаса...

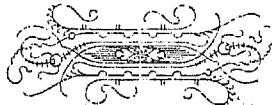
Помню, какъ однажды подѣзжали мы къ Уборамъ въ 1889 году. Былъ канунъ Петрова дня, вечеръ теплый и тихій. Издали доносился до насъ протяжный благовѣсть. Народъ стоялъ на паперти и вокругъ церкви. У всѣхъ былъ видъ праздничный. Мы вошли въ эту церковь, переполненную молящимися. Стройное крестыанское пѣніе раздавалось подъ высокими сводами храма. Діаконъ, древній старецъ, отчетливо и выразительно вычитывалъ прошенія.

„И стройно клирное
Поется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣль
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣль
Густой отъ ладона“.

Величественный иконостасъ поразилъ меня строгостью и законченностью отдѣлки. Лампада ярко горѣла у мѣстной иконы. Спаса... Старою Русью повѣяло на насъ послѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ впечатлѣній! Миѣ казалось, что я перенесся вдругъ въ давно прошедшее время: тотъ же храмъ представлялся миѣ наполненнымъ молящимся, и въ немъ миѣ видѣлась бабушка Екатерина Васильевна, еще дѣвушкой, съ сестрою и братомъ на глазахъ у своихъ родителей—въ старомъ насиженомъ семейномъ гнѣздѣ... И все тѣ же теперь предъ глазами залитые луга москворѣцкіе, тѣ же пруды, и та же тѣнистая, стройная липовая роща...

Графъ Серій Шереметевъ.

Михайловское, 3 іюля 1897.

RVC-897
Шереметев-3
1.

R 6046

ПРОСЕЛКИ.

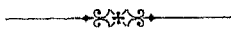
ВЫПУСКЪ II.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, д. Обидиной.
1901.

№ 239.6

Иркутск 1901 г.
Иркутск

ПРОСЕЛКИ.

ВЫПУСКЪ II.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, д. Обидиной.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 25 апрѣля 1901 г.

ПРОСЕЛКИ.

ВЫПУСКЪ II.

Метера, Холуй и Палехъ.

*„Куда ты взоръ ни обратишь,—
Какая ширь, какая тишь“.*

Аксаковъ.

Весь день 5 июня, проведенный во Владимірѣ, прошелъ въ непрерывныхъ грозахъ, а когда мы сѣли въ вагонъ и двинулись по пути въ Вязники, дождь лилъ, какъ изъ ведра; подъ непрерывный этотъ шумъ мы заснули и рано утромъ въ 6-мъ часу прибыли на станцію Вязники.

Воздухъ былъ свѣжій утренній, небо было облачно, но кое-гдѣ проглядывало солнце. Въ первомъ экипажѣ помѣстились В. Т. Георгіевскій съ исправникомъ, въ слѣдующемъ Н. П. Кондаковъ со мной, а багажъ остался назади. Впереди же ѣхалъ становой, и урядникъ верхомъ указывалъ путь.

Проѣхали 6 верстъ и въ г. Вязникахъ любовались храмомъ. Дальнѣйшій путь шелъ сначала по земскому тракту, кое-гдѣ вымощенному камнемъ, но вскорѣ мы свернули на большакъ, который ямщики наши прозвали дорогою „Аракчеевскою“. Большая старья березы тяну-

лись по объѣмъ сторонамъ пути и напоминали мнѣ до-рогу изъ Юхоти въ Угличъ.

Широкіе виды разстилались съ правой стороны; берега Клязьмы, въ то время довольно многоводной, постепенно приближались, голубою лентою извиваясь вдоль безконечныхъ луговъ, за которыми на горизонтѣ виднѣлись пригорки и дальнія деревни съ неизмѣнными бѣлыми каменными церквами съ зелеными куполами и крышами. „Врачующій просторъ“ давалъ себя чувствовать, и городъ съ своими жгучими заботами и треволненіями казался далекимъ, давно прошедшимъ.

На полдорогѣ у деревни мы напоили лошадей и, проѣхавъ лѣсомъ, круто спустились въ долину и опять увидѣли Клязьму, а за нею множество зданій, бѣлыхъ каменныхъ домовъ и церквей, построенныхъ на нагорномъ берегу рѣки и спускающихся къ ней уступами.— Передъ нами была слобода Мстера, первая цѣль нашего путешествія.

Насъ поразило количество каменныхъ домовъ—двухъ-этажныхъ—это не село, а слобода, и церковь скорѣе похожа на монастырь. Мы въѣхали въ Мстеру и остановились у каменнаго дома.

Не было еще восьми часовъ утра. Напившись чаю, приступили къ осмотру мастерскихъ, подъ руководствомъ мѣстнаго сельскаго учителя и начали съ сельской школы, помѣщаемой въ довольно ветхомъ зданіи, нѣкогда пожертвованномъ прежними владѣльцами Гр. Паниными.

Затѣмъ переходили мы отъ одной мастерской въ другую, любясь во многихъ мѣстахъ работою мастеровъ. Такъ, особенною тонкостью отличаются работы Щитнова. Были мы и въ церкви, представляющей особый интересъ, по сохранившимся въ ней древнимъ иконамъ и паятникамъ. Она описана Голышевымъ.

Церковь слободы Мстеры каменная бѣлая съ зеленой крышей. Въ ней нѣсколько цѣнныхъ и любопытныхъ иконъ и вкладовъ князей Ромодановскихъ, которые тутъ же и похоронены. Цѣлый рядъ гробницъ вытянулся въ линію по сторонамъ входныхъ дверей, а впереди—три гробницы, покрытыхъ древнею парчею съ мѣдными бляхами иконъ на полинявшемъ бархатѣ. Здѣсь покоятся Князья Ромодановскіе Стародубскіе, потомки Рюрика—когда-то образовавшіе группу, сочувственную князьямъ Шуiskимъ, т.-е. державшуюся преданій удѣльной Руси.

Еще въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича одинъ изъ Ромодановскихъ добивался придачи имени князей Стародубскихъ и получилъ отъ Тишайшаго рѣзкій отказъ.

На стѣнѣ виситъ гравированный портретъ князя Кесаря Θεодора Юрьевича Ромодановскаго, тутъ же погребеннаго.

Одна старушка шепнула мнѣ на ухо, говоря о Ромодановскихъ съ особымъ благоговѣніемъ: „Еще не прославились“. Очеvidно, понятія ея были смутны, и мнѣ невольнo показалась странною возможность „прославленія“ князя „Кесаря“! Щедрыми вкладами одарили Ромодановскіе Мстерскую церковь. Тутъ иконы, складни, кресты съ мощами, ризы парчевыя. По всему видно, что Мстера ихъ старое насиженное гнѣздо, лишь въ половинѣ прошлаго вѣка перешедшее въ родъ Паниныхъ.

Внушительнъ видъ этого ряда могилъ, стройно вытянувшихся и плотно прилегающихъ другъ къ другу и преданіями своими восходившихъ къ тѣмъ Ряполовскимъ, съ которыми считался самъ великій Собиратель Руси. Тутъ же по сосѣдству и село Ряполово.

Передъ отъѣздомъ изъ Мстеры мы заѣхали ко вдовѣ Голышевой, живущей за слободой въ рощѣ, купленной

ея покойнымъ мужемъ. Она угостила чаемъ съ вареньемъ, отъ котораго нельзя было отказаться...

Небо было сѣрое и дождь уже накрапывалъ, когда мы двинулись въ дальнѣйшій путь на Холуй. Вскорѣ поднялся рѣзкій, холодный вѣтеръ, и полилъ сильный дождь. На Н. П. Кондакова нашло уныніе, и невольно пришлось побаиваться простуды. Подняли верхъ коляски, но вѣтеръ, вполнѣ осенній, по прежнему продувалъ насъ изрядно. Только съ полдороги стало тише. Мы ѣхали лѣсомъ, дурной дорогой, всего до Холуя 30 верстъ, а когда выбрались изъ за опушки, то очутились въ низинѣ. Не доѣзжая 5 верстъ до Холуя, на поромѣ переправились мы черезъ Клязьму. Передъ нами опять разстилалась равнина, и скорѣ показалась вся слобода Холуй съ многочисленными деревянными постройками и двумя церквами.

Было уже поздно. Мы порядочно перемокли и утомились. Но всему есть предѣлъ, и въ девятомъ часу мы остановились у подъѣзда дома-особняка съ надписью: „Холуйская рисовальная школа“, гдѣ насъ радушно встрѣтилъ ея хозяинъ, художникъ Харламовъ.

Здѣсь намъ предстоялъ покойный и теплый ночлегъ, послѣ обильнаго ужина, приготовленнаго опытною рукою хозяйки, жены художника Харламова. Здѣсь же рядомъ съ этимъ помѣщеніемъ и живописная мастерская, поразившая своимъ благоустройствомъ и качествомъ работъ.

Слѣдующій день 7 іюня весь прошелъ въ осмотрѣ мелкихъ мастерскихъ въ Холуй и церкви съ иконостасомъ мѣстной работы.

Погода разгулялась, хотя и была неблагонадежная. Солнце едва показывалось и вновь исчезало, а къ вечеру опять не обошлось безъ дождя.

Закончивъ подробный осмотръ, мы пообѣдали у Харламовыхъ и двинулись въ путь въ четвертомъ часу.

Въ Холуфъ мы долго осматривали мастерскую Харламова, которою особенно остался доволенъ Н. П. Кондаковъ, не ожидавшій ничего подобнаго. Здѣсь же видѣли мы молодыхъ учениковъ, образовавшихъ артель; мысль о распространѣнїи такихъ артелей, подчиненныхъ извѣстнымъ правиламъ, плодотворна. Выработка этихъ правилъ одна изъ задачъ, вызванныхъ поѣздкою.

Уже въ Мстерѣ населеніе высказывало горькія жалобы и сѣтованія на трудности борьбы съ машиннымъ производствомъ иконъ, фирмы Жако и К^о. Въ Мстерѣ обращались весьма многіе за совѣтомъ, какъ поступить въ виду отказа ихъ ходатайства. Въ Холуфъ эти заявленія приняли особенно внушительный характеръ со стороны всего населенія.

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго, мы двинулись въ путь на Палехъ. Въ 10 верстахъ переправились на поромѣ черезъ р. Тезу и мимо усадьбы Валина (бывшей Протасьевыхъ)—сплошными лѣсами того же богатаго фабриканта, а также и лѣсами казенными по дорогѣ, изрытой колеями и залитой дождями, медленно подвигались впередъ. Одно время дождь полилъ, какъ изъ ведра, потомъ все стихло, и насъ облѣпили комары небывалыхъ размѣровъ и необычайной смѣлости. Такъ и лѣзли они на насъ безчисленными стаями...

Тѣмъ временемъ прояснилось, и показалось солнце, мы все еще ѣхали лѣсомъ, но онъ становился свѣтлѣе и перемежающимися прогалинами и полянами. Воздухъ сталъ необычайно чистъ и душистъ. На берегахъ висѣли крупныя дождевыя капли, и отъ нихъ вѣяло свѣжестью листвы. Огромная двойная радуга показалась на небѣ и чудною дугою обрисовывалась на горизонтѣ. Я не запомню такой радуги. Уже вечерѣло и чувствовалась близость жилья. Мы остановились на нѣкоторое время въ усадьбѣ, принадлежащей Харламову, гдѣ у

него достраивается домъ и мастерская. Укромное при-вольное мѣсто съ тѣнистымъ садомъ и церковь съ се-леніемъ въ двухъ шагахъ.

Еще проѣхали мы версть 5, и показались зданія Палехи, на краю которой стоялъ деревянный домъ съ мезаниномъ, гдѣ толпился народъ. Мы подѣхали къ этому дому и встрѣчены были земскимъ врачомъ, предложившимъ намъ ночлегъ. Рядомъ каменная земская больница. Здѣсь мы переночевали и на другой день за-кончили осмотръ мастерскихъ Палехи. Мы начали съ Сафонова, у котораго самая большая мастерская. Отсюда перешли къ Бѣлоусовымъ и друг. болѣе мелкимъ. Опять въ Волостномъ правленіи повторилось то, что было въ Холуѣ, т.-е. обращеніе за поддержкою всему иконописному дѣлу, и мы дали имъ тотъ же отвѣтъ. Пообѣдавъ у доктора, мы заѣхали къ священнику о. Николаю Чихачеву и отъ него двинулись въ путь на Шую. На этотъ разъ дорога была еще хуже, а разстоя-ніе тѣ же 30 верстъ, какъ между Мстерой и Холуемъ, и послѣдней съ Палехой.

Уже вечерѣло и солнце было низко, когда мы подѣ-зжали къ Шуѣ, давно уже видной съ своими коло-кольнями и фабричными трубами безъ конца.

Нельзя было не любоваться дорогой сельскими церк-вами и колокольнями: шатровыя бѣлыя, высокія и строй-ныя, съ зелеными главками, колокольни и церкви пере-носили въ далекое прошлое. Теперь вокругъ этихъ древ-нихъ зданій кипитъ новая жизнь, и въ томъ вопросѣ настоящаго и будущаго, чтобы эта новая, развивающаяся жизнь не выходила бы изъ древняго русла, а развива-лась бы непрерывно на завѣтныхъ началахъ. Такова желательная судьба и иконописи, но не таковы послѣд-ствія развитія „машиннаго“ иконнаго дѣла! Машинная икона долго продержаться не можетъ. Она отучить, охла-дить, она заставитъ „забыть“ икону, и уже теперь видна

возможность перехода от машиннаго образа на деревѣ къ картинкамъ на листкахъ, которыя легко и совсѣмъ впослѣдствіи забросить, — какъ не соответствующія основному началу почитанія иконъ. Трудъ личный и вдохновеніе вотъ животворящая основа, и самая „чудотворность“ иконы связуется именно съ началомъ личнымъ, придающимъ ей жизненное значеніе и сокровенный смыслъ. Машинное иконное дѣло — это начало конца иконопочитанію.

Настало рѣшительное время. Одно изъ двухъ: или мы поддерживаемъ развитіе иконописанія на древней основѣ, или мы сознательно идемъ къ его уничтоженію? Въ угоду иноземцамъ жертвуются пользы и труды русскаго населенія, изстари добывающаго себѣ хлѣбъ ручнымъ трудомъ и сохранившаго преданія лучшихъ временъ иконописи, съ ихъ чистымъ источникомъ, коего родникъ—Византія.

Когда мы, занявъ просторный вагонъ въ Шуѣ, поѣхали обратно въ Москву, мнѣ вдругъ показалось, что я пережилъ сонъ, полный глубокихъ, но волнующихъ и отрадныхъ впечатлѣній.. Присутствіе Н. П. Кондакова укрѣпляло увѣренность, что поѣздкѣ этой не суждено пройти безслѣдно и что дѣло иконописнаго возрожденія находится въ надежнѣйшихъ рукахъ. Для многихъ Мстера Холуй и Палехъ это звуки живые, но не таковы они большинству, чуждому сознанія что это особый, привлекательный, полный свѣтлыхъ преданій міръ, которому не только не суждено замереть, но подобаешь возродиться съ новой и „непреоборимую“ силою!..

Г. С. III.

Михайловское,
15 іюня 1900.

RVC-901
Шереметев-3
2.

R 4916